

совершеннейший салат оливье: тут уже **Чичиков** лезет, а тут эта комедия» [с. 413]; «Ох, много у меня работы! Но в голове бродит моя **Маргарита**, и кот, и полеты...» [с. 440]; «Пью чай с чудесным вареньем, правлю **Санчо**, чтобы блестел.» [с. 644].

В своих письмах М. Булгаков обращается не только к текстовым, но и к другим прецедентным феноменам, – как правило, в связи с теми творческими задачами, которые он в это время решает. Так, письма к М. Рейнгардт, переводившей пьесы М. Булгакова на французский язык, содержат авторские комментарии к пьесе «Зойкина квартира», включающие описание музыкального фона действия: «В этот момент из музыкального шума за окнами отчетливо начинают слышаться голоса мужчины и женщины, которые сладко поют из «Травиаты»: «Покинем край, где мы так страдали...»» [с. 466]. В период работы над романом о Мольере в письмах неоднократно возникает памятник Мольеру: М. Булгаков обращался к брату, жившему в Париже, с просьбой описать его вид. В эпистолярные тексты проникает стихия фантастического и иррационального, которая присутствует в большинстве булгаковских художественных произведений, и становится возможным диалог с писателями, жившими веком раньше, и оживает памятник Н. В. Гоголю работы Н. А. Андреева: «Кончилось тем, что ко мне ночью вбежал хорошо знакомый человек с острым носом, с большими сумасшедшими глазами. Воскликнул: «Что это значит?!» – А это значит, – ответил я, – что горожане и преимущественно литераторы играют IX-ую главу твоего романа, которую я в твою честь, о великий учитель, инсценировал. Ты же сам сказал: «в голове кутерьма, суетолока, сбивчивость, неопрятность в мыслях...» Укрой меня своей чугуной шинелью! И он укрыв меня...» [с. 328].

Таким образом, эпистолярные тексты М. Булгакова демонстрируют разнообразные проявления интертекстуальных связей с произведениями художественной литературы и другими прецедентными феноменами. Характер этих связей определяется, во-первых, литературными предпочтениями автора, который считал себя наследником традиций Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина, во-вторых, его профессиональными интересами: во время работы над инсценировкой «Мертвых душ» или «Дон-Кихота» текстовые реминисценции регулярно отсылают адресатов писем к этим произведениям. Текстовые реминисценции в письмах М. Булгакова служат для описания людей или жизненных ситуаций и выполняют экспрессивно-характеризующую функцию. В них проявляются такие свойства языковой личности писателя, как склонность к языковой игре, использование семантических возможностей языка для соединения реального плана повествования с фантастическим. Перспективы данного исследования связаны с созданием целостного описания языковой личности М. Булгакова и характера ее выражения в текстах разных типов.

Источники и литература

1. Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8: Жизнеописание в документах. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 736 с. Далее письма М. А. Булгакова цитируются по данному изданию с указанием только страницы.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
3. Комарова С. И. Перифраза как средство организации смыслового компонента эпистолярного текста // Семантика и грамматика в речевой коммуникации: Сб. науч. тр. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1991. – С. 41-47.
4. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского ун-та: Серия 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 62-75.
5. Лотман Ю. М. Об искусстве. – С.-Петербург: Искусство. – СПбб, 1998. – 704 с.
6. Столярова Л. П., Пристайко Т. С., Попко Л. П. Базовый словарь лингвистических терминов. – К.: Изд-во ГАРККИ, 2003. – 192 с.
7. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17-29.

Кузнецов О. А.

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗИЯНИЙ В РУССКОЙ РЕЧИ

В русском языке не так редки сочетания двух или нескольких гласных в пределах слова или на стыке слов. Такие вокалические сочетания называют *зияниями*, или *хиатусами*. Главным образом они обнаруживаются на морфемных стыках и на стыках двух слов. Внутри морфемы зияния свойственны заимствованным словам, но возможны и в исконно русских. В [6] приводятся следующие примеры русских слов, содержащих зияния внутри морфемы: *ау́Укать*, *пау́Ук*, *паути́Уна*, *тиу́Ун*, *тиу́Унский*. Большой поток заимствований делает зияния все более распространенными в русском языке. Однако поведение гласных в таких сочетаниях зачастую отличается от «стандартного» поведения гласных в русском слове, что заставляет признать зияние особой фонетической позицией. В связи с этим возникает необходимость детального описания функционирования гласных в зиянии. До недавнего времени этой проблеме не уделялось должного внимания при описании фонетики литературного языка. В исследованиях последних лет затрагивались некоторые аспекты реализации зияний в русской речи. В данной статье будет продолжено описание реализации зияний в речи. Здесь нам хотелось бы перечислить и проанализировать основные способы реализации зияний, определить условия, которые диктуют ту или иную реализацию вокалических сочетаний, привести характерные примеры из русской речи.

В лингвистической литературе можно найти разные определения зияния. В [1, с. 509] под зиянием понимается «свободный проход воздуха, остающийся между артикуляциями двух и более непосредственно следующих друг за другом гетеросиллабических гласных внутри слова (внутреннее зияние <...>) или на стыке слов (внешнее зияние <...>)». В [9, с. 111] зияние определяется как «встреча двух гласных элементов, при последовательном произнесении которых рот остается открытым (лат. *hiatus*)». Дальше следует замечание: «Нормальное зияние двух смежных звуков совпадает со слогоразделом; в определенных случаях зияние уничтожается <...>». Нетрудно заметить, что эти определения не покрывают всего разнообразия реализаций сочетаний «гласный + гласный» в речи. Например, при стяжении в слове как раз и нет зияния в выше-означенном смысле, и это слово, таким образом, невольно выходит за рамки проблемы. Во избежание этого здесь под зиянием понимается сочетание двух и более рядом стоящих букв, обозначающих гласные фонемы, внутри слова или на стыке слов. Это позволяет включить в рамки проблемы зияния все интересующие нас слова независимо от их реального воплощения в речи.

Сочетание «гласный + гласный» – неустойчивое в современном русском языке, стремящееся к изменению, деформации. Со стилистической точки зрения оно признается неблагозвучием, с артикуляционной – является сочетанием звуков, требующим от говорящего дополнительных речевых усилий. Все это приводит к упрощению вокалических цепочек в речи. Итак, зияния в русской речи могут реализовываться следующими способами.

1. Реализация гласных в зиянии *по общим правилам редукции гласных*. Несмотря на свою самоочевидность этот способ реализации зияний ограничен фразовыми и лексическими условиями. Гласные, образующие зияние, реализуются «стандартно» преимущественно в словах, стоящих в сильных фразовых позициях, а также в плохо освоенных словах, которые обычно говорящий стремится произнести более отчетливо. Если слово, даже слабо освоенное русским языком, попадает в безакцентную фразовую позицию, то в содержащемся в нем зиянии возможны любые из тех явлений, о которых будет сказано ниже.

2. *Межслоговая ассимиляция* гласных в зиянии. Она заключается в уподоблении одного гласного в зиянии другому и носит обычно регрессивный характер. Реализация гласных в зиянии под влиянием межслоговой ассимиляции возможна, если зияние находится на месте ударного – I предударного слогов или на месте I-II предударных слогов. Если зияние занимает позицию любых других слогов в слове, то для реализации этого зияния более характерен *эллипсис* гласного (см. ниже). В указанных позициях, благоприятных для осуществления ассимиляции гласных в зиянии, возможна или подстройка по подъему второго гласного под первый: *акт[оа↔]льный, вирт[оа↔]льный, сит[оа↔]ция*, или полная ассимиляция гласных: *ауки[оо↔]н, бенефици[аа↔]нт, [р'аа]ли↔ст, н[уу]чо↔ж, и[уу]рма↔* и мн. др. Межслоговая ассимиляция гласных в зиянии – обязательный этап на пути к стяженному произношению зияния.

3. *Стяжение* гласных в зиянии. Механизм стяжения (слияния) двух гласных в один таков: первый гласный уподобляется второму, исчезает межвокалический переход и образуется один гласный звук, сокращается длительность получившегося звука, которая отчасти переходит в интенсивность. А. И. Томсон пишет, что в русском языке между гласными в зиянии *тихий переход*: «При сочетании двух различных гласных, относящихся к разным слогам, каждый из них производится с отдельным слоговым усилением звука. Голос может при этом не прерываться, а переходные звуки, упдающие на ослабление звука в слогоразделе, мало заметны. Такой *тихий переход* наблюдается в русском языке <...>». Этот тихий переход и способствует стяжению гласных в зиянии: «При тихом переходе со временем происходит обыкновенно стяжение обоих гласных и в слоговом отношении <...>» [11, с. 238].

Стяжение имеет место в тех же позициях, что и межслоговая ассимиляция, т. е. зияние должно находиться на месте ударного – I предударного слогов или на месте I - II предударных слогов. О стяжении можно говорить в том случае, когда на месте зияния произносится только второй его компонент. Переход от межслоговой ассимиляции к стяжению может быть вызван следующими причинами. Во-первых, это высокая лексическая освоенность слова, частотность слова, содержащего зияние. В этом случае иногда происходит лексикализация стяженного произношения вокалического сочетания. Примеров масса: *[р'а↔]льный, милиц[а]не↔р, спец[а↔]льный, офиц[а↔]нт, инци[а]ти↔ва, аква↔[р'у]м, экзаменац[о↔]нный, [т'а↔]тр, профе[с'а]на↔л, [р'э↔]ктор* и др. под. Еще одна причина стяжения – быстрый темп речи. Тогда даже в словах, в которых обычно не наблюдается переход к стяженному произношению, отмечается упрощение зияния посредством стяжения. Стяжение также более вероятно в длинных словах, чем в коротких, ср.: *ц[ы'а↔]н, но ц[а↔]нистый*.

4. *Эллипсис* одного из компонентов зияния. Эллипсис (утрата, редукция, пропуск) одного из гласных в зиянии возможен главным образом в сочетаниях, где оба гласных безударны, имеет место преимущественно в том случае, когда произносится только первый компонент. Чаще всего эллипсис гласного можно наблюдать в зиянии, которое занимает положение II-III и следующих предударных слогов. Показательны в плане отличий между разными способами реализации одного и того же вокалического сочетания следующие цепочки слов, где меняется положение зияния относительно ударения и длина слова:

<u>эллипсис гласного</u>		<u>межслоговая ассимиляция</u>		<u>стяжение</u>
<i>[р'э^н]лизова↔ть</i>	–	<i>[р'аа]ли↔зм</i>	–	<i>[р'а↔]льный</i>
<i>спец[ы^р]лизи↔роваться</i>	–	<i>спец[аа]ли↔ст</i>	–	<i>спец[а↔]льный</i>
<i>и[д'э^н]лизи↔ровать</i>	–	<i>и[д'аа↔]л</i>	–	<i>и[д'а]ли↔ст</i>
<i>н[и^р]дного↔</i>	–	<i>[н'а-а]ди↔н</i>		
(ни одного)		(ни один)		

Редко встречается эллипсис первого компонента зияния, например, в словах *[э]ропо↔рт, [э]родро↔м, [э]ропла↔н* (аэропорт, аэродром, аэроплан).

Для иллюстрации перечисленных уже способов реализации вокалических сочетаний обратимся также к произношению слов, содержащих зияния в сочетаниях *-циа-* и *-цио-*. С помощью словарей [3; 2] было собрано 136 слов с сочетанием *-циа-* и 630 слов с сочетанием *-цио-* (всего 766 слов). Из этого списка для эксперимента было отобрано 20 слов: *аукциоУн, аукционист, бенефициант, кондиционеУр, милиционеУр, моциоУн, неогоциант, официант, переспециализироваться, предэкзаменационный, радиационный, селекционеУр, социальный, специализироваться, специлист, специаУльный, циаУн, циаУнистый, цианосодержащий, экзаменационный*. Слова отбирались таким образом, чтобы можно было проверить действие различных – фонетических, лексических – факторов на реализацию зияний в речи. Каждое слово было включено в предложения так, чтобы оно стояло и в слабой фразовой позиции, и в сильной. Этим проверялось влияние синтаксической позиции слова во фразе на произношение зияния. Составленные предложения были прочитаны дикторами, их чтение записано в компьютер. Речевой сигнал был обработан при помощи программы Praat, версия 4.3.16 [12].

Эксперимент показал, что зияния в сочетаниях *-циа-*, *-цио-* реализуются в речи 1) в соответствии с общими правилами редукции гласных; 2) под влиянием межслоговой ассимиляции гласных; 3) со стяжением; 4) с эллипсисом одного из компонентов зияния.

Эксперимент также позволил выявить тенденции, которые складываются в произношении конкретных слов. Высокая частотность стяженных вариантов произношения слов *официант, специальный, специалист, милиционер, кондиционер, селекционер* позволяет говорить о возможности кодификации такого произношения этих слов, и, наоборот, нехарактерность упрощения зияний в словах *моцион, циан, негоциант* требует признать стяжение в этих словах лежащим вне литературной нормы. Рекомендации по поводу этих конкретных слов могут быть распространены на целые классы слов, им подобных. Можно говорить о тенденции к стяжению гласных в зиянии в словах с финалями *-ционер* и *-ционный* в силу их широкой распространенности; напротив, возможность стяжения в финали *-циант* определяется степенью лексической освоенности всего слова.

Согласно позиционному подходу, та или иная реализация зияния в речи не может быть случайной – она обусловлена действием определенного фактора, а чаще всего – группой факторов. Эксперимент позволил выстроить иерархию факторов, влияющих на реализацию зияний в сочетаниях *-циа-* и *-цио-*. Самым «могущественным» является фразовый фактор: любое слово, даже плохо освоенное (например, *циан, цианистый, цианосодержащий*), в слабой фразовой позиции может иметь стяженный вариант зияния. Следующим по значимости является лексический фактор: степень освоенности слова определяет возможность распространения вариантов деформированных реализаций зияния на сильные фразовые позиции. Фонетические же факторы могут лишь сыграть роль тормоза или, наоборот, ускорителя распространения того или иного явления в каждом конкретном слове или в группе слов сходной структуры. Среди фонетических факторов стоит выделить фактор длины слова, качество гласного в слоге перед зиянием, наличие другого зияния в слове. Подробнее о реализации зияний в словах с сочетаниями *-циа-* и *-цио-* см. в [7].

Вернемся к перечислению способов реализации зияний в речи.

5. **Дифтонгизация** вокалического сочетания. Образование дифтонга (восходящего или нисходящего) на месте зияния осуществляется в результате утраты слоговости одним из гласных вокалического сочетания. В [6] приводятся такие примеры дифтонгизации зияния: *в[ei]р, ст[oi]т, трот[yɑ]р, в[ɑy]чер*. Зафиксирована кроме того дифтонгизация зияний в словах *сн[ou]бордист, Б[ɑy]манская, с[ɑy]ндтрек, в[ьи]грать*; обычно дифтонгуется зияние в элементе *-oid-*: *префикс[oi]д, целлюл[oi]д, рубер[oi]д, трапец[oi]д* и др. Как видно из этих примеров, дифтонгизация зияния осуществляется преимущественно при первом ударном его компоненте, причем чаще всего теряют слоговость гласные [и] и [у].

Дифтонг с первым компонентом [и] возможен, если второй компонент зияния безударный, в противном случае перед нами **консонантизация** гласного.

6. **Консонантизация** одного из компонентов зияния заключается в замене одного гласного звука в зиянии соответствующим согласным: [и] изменяется на [j] (когда звук [и] – первый компонент зияния при втором ударном компоненте), [у] – на [в] (когда [у] – второй безударный компонент). В [6] находим примеры *миль[jo]н, варь[ja]нт, тротвар, ритвал*. Вообще такое произношение сочетаний *ио, ua* характерно для начала прошлого века. В [8, с. 191] приводится наблюдение Р. Ф. Касаткиной, что «<...> в речи интеллигенции первой половины XX в. было возможно произношение с устранением зияния – путем йотации <o>, при этом согласный <ц> был мягким: *интерна[ц]нал*; без зияния произносилось и слово *революционный: револю[цо]нный* (ср. у А. Блока: «Революционный держите шаг, Неугомонный не дремлет враг»). Пример из Б. Пастернака («Памяти Марины Цветаевой», 1943 г.):

Мне так же трудно до сих пор
Вообразить тебя умершей,
Как скопидомкой миллионершей
Средь голодающих сестер.

Характерны также варианты **бриллиант – брильянт, миллион и миллион**. Сейчас же такое произношение широко используется для имитации или пародирования звучащей речи начала XX века.

7. Реализация зияния с **эпентезой** – вставкой согласного звука (в основном йота [j] или гортанной смычки [ʃ]) между двумя компонентами зияния. Гортанная смычка – это *крепкий переход* между гласными в зиянии, по терминологии А. И. Томсона [11, с. 238], при котором стяжение невозможно. А. А. Реформатский в одном из редакторских примечаний в [9, с. 346] пишет, что «в диалектах русского языка встречаются эпентезы <...> [j], [в] между соседними гласными: *скортиен* (скорпион), *фиалка* (фиалка), *Левонтий* (Леонтий), *какава* (какао); в литературном языке узаконены йотовые эпентезы в случаях *Индия, Персия* (ср. India, Persia)». В [6] такие примеры эпентез: *ди[э]з, кли[э]нт, пи[а]р, о[а]зис, со[а]втор*, просторечные *Лари[во]н, ради[вэ]*. Произношение с эпентетическим [j] некоторых слов с сочетанием *ие* кодифицировано в [4]: *кли[э]нт и кли[е]нт; ди[э]та и ди[е]та* и др. слова с корнем *диет-*; *ди[э]з и ди[е]з* и нек. др.

Гортанная смычка кроме того часто используется говорящими как средство выразительности речи. Если человек говорит с установкой на выразительность, необычность своей речи (например, так поступают ведущие разных молодежных и развлекательных передач), то он изыскивает любые фонетические странности слова, чтобы обыграть их в своей речи. Такими фонетическими странностями зачастую становятся как раз зияния, которые реализуются с гортанной смычкой в словах, где обычно она невозможна, например: *виз[у/а]льный, [н'э^н/а^н]сторожно* и т. д.

8. **Аномальные** реализации зияний. Сюда относим все остальные способы реализации зияний. Они отмечаются главным образом в тех случаях, когда ударный – первый компонент зияния или когда оба компонента занимают положение заударных слогов. Речь идет о таких словах, как *х[ао^в]с, пер[иу]д*, наряду с «нормальным» *пер[иэ]д*, и некоторых других. Вот какие реализации зияния в слове *радио* приводит М. В. Панов: «Слово *радио* произносится: [ра^У · д'и^А], [ра^У · д'и^о], [ра^У · д'и^ь], [ра · д'и · а], в книжном стиле: [ра^У · ди · о]. Так же вариативно произношение слова *период* и многих других» [10, с. 65].

В данной статье предпринята попытка перечислить основные способы реализации зияний в русской речи, показать, каковы условия появления того или иного способа, привести примеры из звучащей речи. Отдельная часть статьи – эксперимент, призванный установить реализацию зияний в словах с сочетаниями *-циа-* и *-цио-* и

факторы, влияющие на реализацию зияний в этих словах. Перспективы исследования видятся в дальнейшем детальном анализе языкового материала с целью обнаружения нестандартного поведения гласных в зиянии, в выявлении дополнительных факторов, от которых зависит реализация гласных в вокалических цепочках.

Источники и литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
2. Бурцева В. В. Новый орфографический словарь-справочник русского языка. – М., 2003 (электронная версия).
3. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. – М., 1977.
4. Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Словарь трудностей русского произношения. – 2-е изд., стереотип. – М., 2001.
5. Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – М., 2006.
6. Касаткина Р. Ф. О реализации некоторых вокалических сочетаний в русской речи (в печати).
7. Кузнецов О. А. О реализации зияний в словах с сочетаниями -циа- и -цио- // Проблемы языковой нормы (в печати).
8. Крысин Л. П. Новые аналитические прилагательные и явление хиагуса // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова / Сост. Л. А. Капанадзе. Отв. ред. С. М. Кузьмина. – М., 2001.
9. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Под ред. А. А. Реформатского. – М., 1960.
10. Панов М. В. Русская фонетика. – М., 1967.
11. Томсон А. И. Общее языковедение, второе переработанное и дополненное издание. – Одесса, 1910.
12. Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer. Computer program, version 4.3.16 (<http://www.fon.hum.uva.nl/praat>).

Примечания

¹ Такие же реализации этих зияний отмечаются в [5, с. 190]: «<...> ассимиляция обычно происходит со звуками на месте *ya, yo, yoo* - произносятся [y] или [oa]: актуализация – акт[у]лизация и акт[oa]лизация, полуостровной – пол[у]стровной и пол[oa]стровной, пуантилист – п[у]нтилист ↔ ст и п[oa]нтилист ↔ ст, флюорография – фл[у]рография и фл[oa]рография».

² Существует традиция не различать понятия *стяжение* и *эллипсис*, а также обозначаемые ими процессы и использовать их в качестве синонимов (см. [8: 6]). В настоящей статье проводится разграничение этих явлений, основанное на оговариваемых отличиях в характере их протекания и на различных результатах в речи.

³ О распространенности такого произношения этого сочетания слов говорилось в одном из докладов Р. Ф. Касаткиной.

Кузьмина С. М.

РУССКОЕ ПИСЬМО: ФАКУЛЬТАТИВНОСТЬ В УЗУСЕ И НОРМЕ

*Орфография – не произвольный «костюм» языка,
а именно система норм письменной речи
как особой формы языка*

А. А. Реформатский

1. Письмо – вторичная система, представляющая собой отражение языковой системы. В основе эволюции письма, как и в основе эволюции всех языковых ярусов, лежит антиномия нормы и узуса как один из важнейших внутренних стимулов саморазвития языка. М.В. Панов пишет: «Одновременно с сознательным строительством русской орфографии на научной базе протекал процесс ее стихийного преобразования, когда практическое осуществление новшеств опережало теоретические рекомендации» [Панов 1965: 19].) Стихия узуса (орфографическая практика) иногда опрокидывает правила, рвет узду, налагаемую на нее нормой, и тем самым служит опытным полем для проверки эффективности действующего правила, подсказывает направление изменений орфографической нормы. В письменном узусе возникают варианты. До поры до времени они квалифицируются нормой как ошибки, как отклонение от нормы. Однако систематическое расхождение между рекомендациями правил и орфографической практикой служит сигналом бездействия нормы и необходимости ее уточнения или пересмотра.

Итак в узусе письма варианты – обычное дело. А как в норме?

2. Языковые нормы, как известно, не исключают наличия вариантов во всех ярусах языка. Так, норма в орфоэпии представляет собой шкалу: она допускает варианты. Именно такое понимание нормы отражено в «Орфоэпическом словаре русского языка» под ред. Р. И. Аванесова, где разработана детальная система нормативных помет. Отказ в словаре М. В. Зарвы «Русское словесное ударение» от вариантов с целью устранения разнобоя в речи не может удовлетворить лингвиста: выбор лишь одного из вариантов произношения означает во многих случаях насилие над языком, поскольку ведет к произвольности выбора одного из сосуществующих равноправных вариантов (см. рецензию на этот словарь [Еськова 2004]).

Орфографические же нормы русского языка представляют в этом отношении исключение – они очень жесткие. Отчасти это объясняется социальными причинами: презумпция советского общества, где все запрещено, даже то, что разрешено, была такой: орфография не должна иметь вариантов, должна быть предельно авторитарной.

Между тем крайняя жесткость орфографических правил имеет много недостатков. На ней, частности, основана репрессивная система оценок письменных текстов, связанная с злоупотреблением властью в школе и особенно при поступлении в вуз. Это большое социальное зло.

По нашему мнению, целесообразно пересмотреть статус орфографических правил и сделать их более гибкими, узаконив в строго определенных случаях варианты. Многие члены орфографической комиссии конца XX – начала XXI вв., работавшей над проектом новой, переработанной и дополненной редакции свода «Правил орфографии и пунктуации» (см. [Свод 2000]), ссылаясь именно на «орфографический террор», высказывали пожелания сделать правила менее жесткими и в ряде случаев допустить вариативность написаний. В отзывах на проект также была поддержана эта идея. Однако ввиду неразработанности теории этого вопроса пожелания остались практически нереализованными.

3. Кодификаторы прошлых лет не исключали возможности двояких написаний. Д. Н. Ушаков в «Толковом словаре русского языка» приводит довольно много орфографических вариантов. Вариативные написания предусматривались проектом свода правил 1936 года. В проекте правил, разработанном орфографической комиссией 1963-1964 гг., также предлагались некоторые факультативные написания, в частности, слитного-